

BBC Russian Service.

Gorky's 'ENEMIES'

БЕСИ ДОСТОЕВСКОГО И ВРАГИ ГОРЬКОГО

МАРГ:

После французской и итальянской премьер спектакля Юрия Любимова "Беси" по Достоевскому, спектакль вернулся на сцену театра "Алмейда" с лондонской премьерой.

Тема "Бесов" Достоевского была неожиданно подхвачена еще одной лондонской постановкой: "Врагами" Максима Горького на сцене одного из театров-лабов на Севере Лондона. Рассказывает Зиновий Синик:

ЗИНИК:

Лондонская премьера любимовского спектакля вызвала самые противоречивые отзывы в прессе: от ничем неограниченного восхищения режиссерскими метафорами спектакля в рецензии Майкла Ковени на страницах "Файненшиал Таймс", до разгромной заметки Питера Дифона Питера из "Санди Таймс", который заключил свой анализ любим спектакля следующими словами:

ГОЛОС I:

Роман Достоевского - это акт подвержения религиозной веры; спектакль Любимова - это акт терроризма в культуре.

ЗИНИК:

Неудивительно, что сам Юрий Любимов был не столько польщен похвалой критиков, сколько обескуражен подобным безапелляционным приговором его работе над "Бесами". Может быть поэтому на встрече Юрия Любимова со зрителями театра "Алмейда", где была поставлена ~~любимовская~~ инсценировка "Бесов", столько времени было посвящено традициям любимовской режиссуры. Отвечая на обвинение в "культурном терроризме" Любимов рассказал, что стены его кабинета в Московском театре на Таганке были испещрены подписями именитых гостей, причем каждый последующий именитый гость из зарубежной социалистической республики старался замазывать подписи его бывших вождей на той же стене. "Это и есть культурный терроризм", сказал Любимов. Последовал вопрос о его великих предшественниках, от Станиславского и ~~Брежнев~~ ^{Вахтангова} до ~~Брежнев~~ ^{Брежнев} и Мейерхольда, портреты которых, опять же, висели

в его московском кабинете. Так беседа со зрителем повернулась к "четвертой стене" Станиславского: «Шестнадцатый прием "четвертой стены", магический натурализм Станиславского и был, по словам Любимова, протестом против помпезности постановок императорских театров; однако в пятидесятые годы "четвертая стена" Станиславского стала в свою очередь разделять зрителя и сцену. Шестидесятые [«Мои театральные приемы», сказал Любимов], "это прямое общение со зрителем; если театр шлется как жанр выживет конкуренцию с телевидением и кино, то лишь благодаря непосредственной связи сцены со зрительным залом".]

[illegible]

В двойном случае имелась связь с передачей информации

Содержание

По словам режиссера, он начал экспериментировать с Брехтом, и постепенно шел к пониманию Достоевского; когда ему удалось сценически осознать Достоевского, он был вытолкнут за границу - в каком-то смысле его вытолкнуло за границу понимание "Бесов".

Безопасность зала. Общение с залом перешло рамки дозволенности.

Масштаб Прерогатива "вседозволенности" предоставлена лишь театральным бюрократам.

Нужно сказать, что с переездом Любимова на Запад ему приходится иметь дело уже не с "четвертой стеной" театральной бальши, не с "пожирным занавесом" цензуры, а с "железным занавесом" иностранного языка. ^{я бы сказал,} ⁶ Любимову приходится работать с актерами через переводчика, и он жаловался на дурные переводы Достоевского по-английски. [На встрече, среди зрителей оказалась вдова одного из авторов современных переводов Достоевского - Магаршака. ^{и/с} Встреча со зрителями переросла в дискуссию о мастерстве перевода: оскорбленная вдова отстаивала переводы Магаршака, в то же время как одна из актрис настаивала на том, что даже классический и крайне устаревший перевод Констанс

Гарнетт тоже порой помогает понять образ того или иного персонажа.]

~~Гарнетт~~ Любимову удалось выстроить на сцене блестящие и точные метафоры романа-фельетона, романа-памфлета Достоевского, однако провокационность реплик ушла в подтекст вместе с языком, поскольку английские ~~актеры~~ ^{и эквиваленты} не смогли найти соответствующие английские стереотипы ^{до голизы} разговорной провокационности романа. Спектакль разыгрывается как универсальная ~~модель~~ ^{от} конструкция метаморфоз ^{от} либерализма к терроризму. Видимо этим и объясняются противоречивые отзывы ~~привели~~ критиков.

В Лондоне, однако, играет сейчас спектакль, который может служить комментарием и даже наглядным пособием к любимым ^в "Бесам" - психологической иллюстрацией того, что происходит с людьми ^{когда ТЕАТР} ~~идеологии~~ ^{УЖЕ СЫГРАН} идеологии Петра Верховенского. Речь идет о "Врагах" Максима Горького. Спектакль поставлен крайне скромно и со ^к скупой точностью на маленькой сцене - на втором этаже паба-пивной на ~~Севере~~ ^{Север} Севере Лондона, в Хэмстеде. На Эпопея Горького - одна из самых популярных и самых нудных ^{официального} пьес ^{советского} репертуара. Режиссура Анн Пеннингтон не ~~лишила~~ ^{спасла} пьесу и ее героев от драматической вязкости, вялости и предсказуемости. Однако в английском варианте ~~Враги~~ "Враги" Горького лишились ложного пафоса и псевдо-народности: персонажи говорят без специфических акцентов ~~и~~ - графы классовой розни - и, следовательно, без народных сантиментов. Спектакль задуман, как мне показалось, в первую очередь как эхо ^{русского прошлого} ~~и комментарий к правительственной~~ ^{правительственной} тактике ^{английского правительства} в отношении забастовки шахтеров под руководством Артура Скаргила. Все тут, казалось бы, налицо: и стихийные акты насилия рабочих масс и активисты-социалисты ^{разногласия} и ~~паника~~ ^{паника} среди управляющих фабрикой: уступать или не уступать нажиму активистов среди рабочих? Однако в английской версии Анн Пеннингтон ~~привели~~

"Shortage of space alone prevents me from listing all the merits of Ann Pennington's production or giving proper credit to the large and splendid cast.

Just go and see it; this is a great revolutionary play by a great revolutionary writer, performed with elegance, passion and deep commitment"

26th March 1985, page 8.

MORNING STAR TOM VAUGHN

IN TRUE Russian style, Maxim Gorky presents an industrial dispute not only in terms of a confrontation between workers and bosses, but through the cross-currents it generates among the close-knit membership of the factory owner's family and household; the two Bardin brothers, their wives and their niece Nadia.

The time is 1905, the year of the "failed" Russian revolution.

Zakhar, the elder, is a liberal who provides Sunday classes and discussion circles for his workers.

But when his martinet manager, Mikhail Skrobotov, is killed in a brawl while trying to shut down the factory, Zakhar's liberalism (like that of some members of the National Coal Board) beats a very hasty retreat.

It is young Nadia who learns the truth of the class struggle, as the army and the secret police turn the family home into a police station and try to frame the ringleaders and Socialists among the factory workers.

When her uncles and aunts, whom she once respected, make no attempt at resistance or protest, she rounds on them.

"Why do you call yourselves my elders?" she cries. "You're just old, unnecessary people."

But it is her aunt Pauline who gives Gorky his title and presages another factory owner's wife and future British Prime Minister.

"I tell you, the workers are enemies. They are all our enemies," she says.

Shortage of space alone prevents me from listing all the merits of Ann Pennington's production or giving proper credit to the large and splendid cast.

Just go and see it; this is a great revolutionary play by a great revolutionary writer, performed with elegance, passion and deep commitment.

'A fine production of a fine play- don't miss it!'

'..huge cast --each one of whom deserves more than a mere line or two of critical praise'

'Yakov(Nick Ellsworth) and Yakov's actress wife(Angelique Rockas):these two occupy a central position, sensitively delineating both the aspirations and the fate of the more humane elements of the middleclass'

Theatre Review

ENEMIES

The Sir Richard Steele Theatre

ONE remarkable thing about this production of Gorky's fiery drama is that it demonstrates most effectively that this is an even better and much more tautly-written play than I had supposed.

Every line tells, and the talented cast never seems to miss a nuance.

Gorki here presents, with a subtlety and precision equal to Chekhov's, a wide range of pre-revolutionary Russian figures: as with Chekhov, we watch events largely through their impact on middleclass lives.

But the point of this play is that Gorki's vision extends beyond this most various and entertaining group to the rising revolutionary forces that will supercede it. He presents the tragic events of 1905 in the light of a fierce, prophetic optimism.

The workingclass are a shadowy but increasingly powerful presence. The spotlight falls on the "liberal" capitalist, Zakhar (Harold Saks), and on his niece Nadya (Lynn Rose) who, with the honest idealism of youth exposes the brutality of capitalist ethics whether hard-line or "wet" — and on Zakhar's hard-drinking brother, Yakov (Nick Ellsworth) and Yakov's actress wife (Angelique Rockas): these two occupy a central position, sensitively delineating both the aspirations and the fate of the more humane elements in the middleclass.

The conscious "enemies" are Zakhar's partner, Mikhail (Stephen Brigden), the latter's termagant wife, Kleopatra (Madalena Nedeva) and his brother, the Public Prosecutor (Anthony Sergeant) — against whom are ranged the dedicated

revolutionary, Sintsov (Mark Knox), the sly, philosophical old worker, Levshin (Stephen Wale) and the proud young activist, Grekov (David Milton Jones).

Other workers are played by Tim Harrison, Ray Sharples and Derek Broome. Marilyn Finlay is Zakhar's wife, Paulina — a most thoughtful performance. Norman Caro and Christopher Banks brilliantly present the old soldier, Kon, and the mad-hatter General. Stewart Permutt is a splendidly repulsive toady.

And when I have named Brigid Mackay who, in the part of the old servant, Agrafena, manages to be a dead spit of the grandmother in the film, "The Childhood of Gorki", I shall have mentioned every member of the huge but never unwieldy cast (so sensitively and unobtrusively are they deployed by their director, Ann Pennington), each one of whom deserves more than a mere line or two of critical praise.

A fine production of a great play — don't miss it! Paul Lewenstein

Time Out, March 1985, 28th

'Enemies'

Written in 1906 but banned by the tsarist censor, Gorky's passionate and subtle political drama makes fascinating viewing. The plot may sound a trifle cold and forbidding: a humanitarian factory owner and his reactionary partner are faced with unrest from their workers; their reactions lead to an act of violence and intervention by the army. But Gorky skilfully contrives to present a situation of impending social change through sketching an intricate network of middle-class family relationships as members of the industrialist's household find their ingrained attitudes challenged. As in Chekhov, but far more starkly, the characters are losing hold on their position in the world.

Ann Pennington's production, clear and uncluttered, perfectly conveys the climate of a remarkable moment in time. (Malcolm Hay)

TIME OUT CRITICS' CHOICE

THEATRE

1) **'The Mysteries'** (Cottesloe)
Bill Bryden's acclaimed promenade trilogy.

2) **'Pamela'** (Bloomsbury)
Shared Experience's ingenious, economic means of production makes place for brilliance in performance of their 2 ½-hour version of Richardson's novel.

3) **'Intermezzo'** (Greenwich)
Christopher Fettes's brilliant pro-

duction. Sheila Gish a vision of emotional dignity.

4) **'Jumpers'** (Aldwych)
Stylish revival of Stoppard's mannequin parade of modern philosophical thought.

5) **'Enemies'** (Sir Richard Steele)
Passionate and subtle political drama.

March 1985

MARCH 1985, 29th.

C I T Y L I M I T S

■ **'Enemies'** by Maxim Gorky, presented by Internationalist Theatre (Sir Richard Steele)
Set in 1906, and written as a direct response to the Bloody Sunday massacre at the Winter Palace the year before, 'Enemies' focuses on pre-revolutionary upheaval in Russia and its effect on one particular aristocratic family. Workers in the family's factory are threatening to strike. Argument turns to physical violence, and finally to murder. With the factory's cruel controller dead, what will be the reaction from worker and from aristocrat? Like dinosaurs they stand, the bewildered gentry, their responses a pathetic mixture of reactionary bile, wet liberalism and weary cynicism. And as we watch this dying breed gasp for a last lease on life, the final speech by an arrested insurrectionary hammers home the inevitable conclusion. It is a speech of unequivocal revolution, in which the victory of 1917 is foreseen in the smaller struggles of 1906. A play to engage mind, not heart, 'Enemies' nonetheless is staged with vigour and conviction even in this tiny space. (Barney Bardsley)